

Васильева Надежда Матвеевна

О НЕКОТОРЫХ ОРФОГРАФИЧЕСКИ НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННЫХ ЯВЛЕНИЯХ ЯКУТСКОЙ ОРФОГРАФИИ (О НАПИСАНИЯХ ТИПА С?-?П, С-СУОХ)

Орфография имеет важное значение в нормализации литературного языка. Данная статья посвящена проблеме некоторых некодифицированных явлений якутской орфографии. Рассматриваются способы передачи на письме специфических особенностей эмфатической речи. Уделяется внимание дефису как орфографическому средству при написании нерегламентированных явлений типа 'с?-?п' "ла-адно", 'с-суох' "н-нет".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2017/2/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (116). С. 33-36. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

адаптироваться в сложном мире высшей школы, заинтересовать их предметом и объяснить непосредственную необходимость приложения приобретенных знаний в будущей профессиональной жизни – это задача всех специалистов, работающих со студентами на первом курсе.

В процессе профессионального обучения студенты должны приобретать компетентностный опыт, необходимый для изучения последующих дисциплин, а для этого педагогу необходимо опираться на имеющиеся у студентов опыт и уровень развития.

Реализация стратегии непрерывного образования на протяжении всей жизни станет возможной, если уже в студенческие годы будущий специалист овладеет учебно-исследовательской компетентностью. Преподавателям медицинского вуза необходимо как мотивировать студентов к освоению конкретной дисциплины, так и развивать интерес к продолжению обучения в будущем, а для этого сам процесс учения должен стать интересным.

Список литературы

1. **Артюхина А. И., Чумаков В. И.** Интерактивные методы обучения в медицинском вузе: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2012. 155 с.
2. **Артюхина А. И., Чумаков В. И.** Педагогическая рефлексия как один из ведущих факторов качественного повышения квалификации врачей-педагогов медицинского университета // Медицинское образование – 2013: сборник тезисов конференции. М., 2013. С. 29-32.
3. **Артюхина А. И., Чумаков В. И.** Реализация инноваций в высшей медицинской школе (андрагогический аспект) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 2. С. 14-20.
4. **Вавилина А. В.** Компетентностный подход в образовании // Новые образовательные стандарты высшей школы: традиции и инновации: сборник научных статей Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. Е. Г. Елиной, Е. И. Балакиревой. Саратов, 2012. С. 24-27.

TECHNOLOGY OF PROBLEM TEACHING BY THE EXAMPLE OF ORGANIZING INTERACTIVE LECTURES ON CHEMISTRY WHILE TRAINING STUDENTS OF THE MEDICAL UNIVERSITY

Brel' Anatolii Kuz'mich, Doctor in Chemistry, Professor
Chumakov Vyacheslav Igorevich, Ph. D. in Pedagogy
Sokolova Svetlana Viktorovna
Tremasova Svetlana Viktorovna
Volgograd State Medical University
sve44669599@yandex.ru

The article considers the issue of practical application of interactive forms of teaching while organizing a lecture course on chemistry at the medical university. In this connection, advantages and disadvantages of the classical lecture and modern techniques are examined. The problem-based lecture is chosen as a research object. The authors describe positive experience of using the problem-based lecture while teaching chemistry to medical students.

Key words and phrases: interactive forms of teaching; competence approach; professional training; medical students; problem-based lecture; classical lecture.

УДК 811.512.157'35

Филологические науки

Орфография имеет важное значение в нормализации литературного языка. Данная статья посвящена проблеме некоторых некодифицированных явлений якутской орфографии. Рассматриваются способы передачи на письме специфических особенностей эмфатической речи. Уделяется внимание дефису как орфографическому средству при написании нерегламентированных явлений типа 'сə-əп' «ла-адно», 'с-суох' «н-нет».

Ключевые слова и фразы: якутская орфография; эмфатическая речь; нерегламентированные явления; пролонгация; геминация; дефис.

Васильева Надежда Матвеевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
tnt69@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ ОРФОГРАФИЧЕСКИ НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННЫХ ЯВЛЕНИЯХ ЯКУТСКОЙ ОРФОГРАФИИ (О НАПИСАНИЯХ ТИПА СƏ-ƏП, С-СУОХ)

Как известно, экспрессивные возможности языка распространяются на все его уровни – фонетический, лексический, морфологический и синтаксический. Письмо тоже может использоваться как стилистический прием выразительного оформления текста. При наличии орфографической кодификации письменный текст может включать в себя определенные некодифицированные явления, нуждающиеся, на наш взгляд, в нормализации. В данной статье рассматриваются орфографически нерегламентированные явления в якутской орфографии типа *сə-əп* «ла-адно», *с-суох* «н-нет».

При богатстве акустических средств существует ограниченный набор средств графических. Письменная речь пользуется описательными средствами выражения, передавая интонацию, интенсивность и т.д. при помощи оборотов типа *дүйүбэргээн унаарытта* «говорил медленно с удивлением»; *өрө көөбүнэтэ* «громко, хрипло пробасил»; *элктээбиттии энээрттэ* «говорил протяжно, насмехаясь»; *улаханлык хаһытаата* «громко крикнул» и т.п. (*здесь и далее перевод наш – Н. В.*).

В якутском языке отражение интонационного момента в письменной речи впервые было отмечено Е. И. Убрятовой: «Эмоциональная окрашенность речи в якутском языке выражается и в особом произношении тех слов в предложении, которые под влиянием каких-либо чувств говорящий хочет особо выделить» [6, с. 278]. Отражение интонационно-мелодических и экспираторных особенностей устной речи, таких как растяжение и продление гласных, усиление и геминация согласных, является обычным и широко распространенным явлением в языке художественной прозы, которое иначе называют орфографическим тропом [1, с. 115; 5, с. 97].

При окликах и призывах, при распеве в пении, в эмоционально выразительной речи, в командах и в некоторых других ситуациях способом передачи на письме растяжения (пролонгации) гласных является повторение одинаковых гласных, разделенных и одновременно соединенных с дефисом. Рассмотрим это на примере художественной литературы. – *Үчүгэ-эй*, – диір сымнаҕас баҕайытык эмээхсин (Л. Попов). / Хорошо, – говорит старуха мягким голосом; [Татьяна:] Ии, чыгычаахтарым *бараксаттары-ы...* (Л. Попов). / [Татьяна:] У, мои милые детки (букв. мои милые птенчики); – *Сө-өн*, – Айан тарбаҕын төбөтүнэн сэрэммиттии тутан, дьахтар илиитин уруулга уурда (Софр. Данилов). / Правильно, – Айан осторожно, кончиками пальцев, положил руку женщины на руль; – *Моһуоктаата да-а!* – Сүөдэр эмискэ кубулуйа түһэр (Н. Якутская). / Он тебя обидел? – Федор меняется в лице; – *Кэрэмэс*, бардыбыт, *кэ-эл!* – диэн Бүөтүр ытын ыһырдан (Р. Кулаковский). / *Кэрэмэс*, пошли! – Петр позвал собаку; – *Чо-ом!* Бу туох буолбут ыта киирдэ! (Күрүлгэн). / Фу! Это ещё что за собака зашла!; – *Ээ-э?* Хайдаҕый дуу? Туох диигин? (Хотугу сулус). / А? Как так? О чем это ты?; – *Түксү*, *Серержа-а*, түксү (Софр. Данилов). / Перестань, Серёжа, перестань; *Дьэ үчүгэ-эй!* – Иннокентий эмиз аҕала сатыы-сатыы көхсүн этиһэхтээтэ (Н. Лугинов). / Ладно! – Иннокентий неестественно закричал; – *Буоллаҕа-а...* – Друскин Потончоҕо эргилиннэ (С. Курилов). / – Надо же, – Друскин повернулся к Потончо; – *Ванька-аа!* – аҕата уолун ыһырдан (Ойуку). / – Ванька! – отец зовет сына; – *Антонида-аа...* – кэнниттэн көрдөһөр-ааттарар ыһырдан сана иһилиннэ (Е. Неймохов). / – Антонида... – сзади было слышно, как кто-то звал ее умоляюще; – *И-и-и!* – Охоноос олус омунаахтык ыйылыы түстэ (Амма Аччыгыйа). / Уу! – Афанасий порывисто завизжал; – *Э-э*, бэлиэ баҕас бэрт элбэх (Н. Якутская). / Да, меток очень много; – *А-а*, Уйбаан, көһүт, олоро түс! – диэн баран, судьуйа тойон кабинетыгар киирэн хаалар (Н. Якутская). / – А, Иван, подожди, присядь! – судья заходит в кабинет начальника; – *О-о*, ол диэн... – Галибаров сапсыһан кэбиһэр (Н. Якутская). / – А, ерунда... – Галибаров взмахнул рукой; и др.

Иногда возможно использование обоих приемов. Например: – Тугун педсоветай, *доҕотто-ор!* – Надежда Алексеевна эйэ дэмнээхтик *унаарытта* (Софр. Данилов). / – К чему тут еще педсовет, друзья! – Надежда Алексеевна протянула дружелюбно; – *Сангарба-а!* – Хобороос *хаһытаата* (А. Сыромятникова). / – За-молчи! – Февронья закричала; – *Тэргэнинэ-эн...* – Суудап үтүктэн *унаарыйда* (Амма Аччыгыйа). / – Пушкой (возвали город!) – притянул Судов, передразнивая (жену); Браатан иһэн *хаһытаата*; «*Бай-баал*, кизэ репетицияны *умһума-ар!*» (Н. Габьшев). / Удалившись, закричала: «*Павел*, вечером не забудь про репетицию!»; – Сизстэрэ оҕобут *кэллэ-э!* – көрүдүөргэ Өкүлүүн сангата *унаарыйда* (Софр. Данилов). / – Медсестра наша пришла! – в коридоре послышался протяжный голос Акулины; – *Ки-им?!* – кулуба *кыһырда* (А. Сыромятникова). / – Кто?! – голова рассердился; – *Хайы-ы*, ити биір мааны да тырахтарыыс баар эбит, – диэн биір оҕо сангата *чаҕаарыйа түстэ* (В. Яковлев). / – Надо же, какой нарядный тракторист! – говорил один ребенок протяжно высоким голосом; – *Эмэгэ-эт!* – диэн *хаһытыгыр* Сэгэйэ Куо (А. Алдан-Семенов). / – Идол [дух-покровитель шамана]! – закричала Сэгэйэ Куо; – *Куһаҕан күтү-үр!!!* – диэн [Өксүүннэ] *кыланан эрэгэ дьылта* (Күрүлгэн). / Окаянный!!! – Акинья вдруг вскрикнула; – *Ы-ы-ы-ы-ы!!*. *Ы-ы-ы-ы-ы!* – диэн Ылдьаана туттуна сатыы-сатыы *ытаан энэлийдэ* (Н. Якутская). / – Ы-ы, ы-ы! – Ульяна, сдерживая себя, горько заплакала; – *О-оо!* – Карлсон *үөгүлүү түстэ* (Э. Соколов). / – О! – Карлсон вдруг завопил.

Дефис представляет собой собственно орфографическое средство. Употребление дефиса в анализируемых написаниях непоследовательно. В современном якутском письме встречается и бездефисное, слитное написание повторяющихся гласных. Например: – *Чэйиин!* – Мэхээлэ хаһытаата (Софр. Данилов). / – Давай! – Михаил закричал; – *Кэбис!* – дии түстэ Сөдүөччүйэ. – Оҕобун *кэбиис!* (Амма Аччыгыйа). / – Нельзя! – вдруг сказала Федосья. – Ребенка моего не трогай, нельзя!; – *Сизтээ!* – Микиитэ сарылаабытынан тобуктуу түстэ (Амма Аччыгыйа). / – Убил! – вдруг завопив, Никита упал на колени; Аҕаа, аҕам *оҕотто!* (Амма Аччыгыйа). / – Папа, папенька мой!; – *Сөөн!* – диэбит уол уонна тииккэ ыттыбыт (Суорун Омоллоон). / – Ладно! – сказал мальчик и вскарабкался на дерево; – *Кырдыгык-кырдык*, – дии-дии [Ханхатта ойоҕо] барытын тоҕо тэбээн биэрбитэ (А. Федоров). / Правда-правда, – [жена Ханхатта] выложила всё.

Необычное удлинение краткого гласного наблюдается, как отмечает Н. Д. Дьячковский, для выражения различных значений экспрессивного, модального и логического характера [2, с. 80]. В якутском языке эмфатическое усиление гласного звука в последнем слоге слова – удлинение или переход в дифтонг – считается основным фонологическим средством выражения экспрессивности в лексических единицах [4, с. 51].

Повтор (геминация) согласных передается также с помощью дефиса. Например: – *С-сөн*, *б-бэрт с-сөн*, – диэтэ [Мэхээчэ] (Л. Попов). / – Хорошо, очень хорошо, – сказал [Мэхээчэ]; – Эйигиттэн ураты киһи баар дуо? – *С-суох...* (Н. Якутская). / – Кроме тебя, кто-нибудь ещё есть? – Нет...; – *Т-тойон* эписизэр, төрөөбүт сириң? (Н. Якутская). / – Господин офицер, откуда ты родом?; [Боря:] *Ыччак-ка!..* (Л. Габьшев). / [Боря:] – Брр!...; – *С-сыт*, – тураары гыммыт Алыампыый Бултээһэп тохтоҕто (Э. Соколов). / – Полежи, – Бюлтясов не дал

встать Алемпию; – Бааргын дуо? – *Б-баарбын* (Амма Аччыгыйа). / – Ты здесь? – Да, я здесь; – *Х-хайа к-кытыгыга* сыстабыт? – диэтэ Луха титирэстээбит саната (Амма Аччыгыйа). / – Где будем причаливаться? – сказал Лука дрожащим голосом; – *Ур-ра! Ур-ра!* Партия иһин, Ийэ дойду иһин! (Т. Сметанин). / – Ура! Ура! За партию! За Родину!; – *Н-но!* Аны бу дыахтарбыт эмискэччи өйдөнөн тийээн кэллэ! – диир Сөдүөт (Амма Аччыгыйа). / – Ба! А вдруг эта женщина поумнела, – сказал Федот; – *Эн т-туох б-буолбут б-быччабаргыный бу?!* (Амма Аччыгыйа). / – Что ты за пучеглазый дурак?!; – *Эн мин-н* баарбар, туохтан да куттанна суохтааххын диэн өссө төгүл *этэбин-н!* (Э. Соколов). / – Ещё раз повторяю, когда я здесь, ты не должен ничего бояться; *С-сэмэн* офонньор *ба-барда* (А. Сыромятникова). / Старик Семен умер; – *К-кырдык...* – Аласов кэлэбэйдээн ылла (Софр. Данилов). / – Правда... – Аласов заикнулся; – *Х-хайа?!* – диэбитэ офонньор абылаабыт куолаһынан (Н. Заболоцкий). / – Что?! – сказал старик, запыхавшись; *Нah-haa* да күөрчэби абынным! (Күрүлгэн). / Как же хочется кёрчэх [взбитые сливки]! и т.п.

Однако этот принцип воплощается не вполне последовательно. В современной практике письма встречаются и слитные написания повторяющихся согласных. Например: – Дыалганнаабыт *аккаарыны* сырсар дуо? (Э. Соколов). / За этим долговязым дураком что ли бегаешь?

При эмфатическом удлинении происходит сужение или расширение артикуляции, что может вызвать замену узкими или широкими гласными [3, с. 82]. Например: – *Та-ыйы?* Бу биэбэккэм! – Боккуой эмээхсин айдаара тустэ (А. Сыромятникова). / – Ой? Голубчик мой! – Боккуой вдруг громко завопила; – *Уба-ыйы!* – дии түстэ ханна эрэ Өлөксөй саната (Амма Аччыгыйа). / Брат! – вдруг сказал Алексей; – *Ха-ыы?* Бу алдьархайы! (Амма Аччыгыйа). / – Ой? Какая беда!; – *Айакка-ыы!* – [аҕалара] Николканы мөхтө (Ойуку). / – Ой-ой! – отец выругал Николку; – *Хотуо-уу!* – диэн эмээхсин кылана түстэ (Л. Попов). / – Девка! – старуха вдруг вскрикнула; – *Су-оох!* Сымыйата! (Р. Баҕатайыскай). / – Нет! Вранье!; – *Суо-аах*, уоскуйбаппын! (Э. Соколов). / – Нет, не успокоюсь!; – *Дуо-а?* – Куриль соһуйда (С. Курилов). / – Да? Куриль удивился; – *Уо-аай*, сордооһуо... (Э. Соколов). / – Ой, бедняжка....

Как отмечают исследователи, такие явления наблюдаются в следующих случаях:

1. В именах, прозвищах людей, в словах для обращения с любовью, лаской, гневом, обидой, упреком и т.п.
2. В вопросительных формах, где выражается высокий тон эмоциональности, волнение.
3. В повторных номинациях.
4. В словах с высоким тоном эмоциональности, для выражения радости, восхищения, испуга, гнева и т.п.

[Там же, с. 56-57].

В письменной практике существуют написания типа *ычча-о*, *ычча-уу* ориентированные на произношение и опирающиеся на живое слуховое восприятие пишущего. Например: – *Хатыа-уу!* Мэлиппиттэр... – [Мотря] бобуонньуктуу бааммыт былаатын кэтэбэр анньыммыта (О ХС). / – Девка-а! Украли... – сказала [Мотря], откинув обвязанный платок на затылок; – *Ычча-уу!* Уу тымныйбыт (Софр. Данилов). / – Бр! Вода холодная; – *Ычча-о!* Кыһалҕалаах кыһын обургубут дэ эмиэ кэллэ ээ! – диэн бабыгырыыр (Н. Якутская). / – Бр! Зима студеная опять наступила, – сказал, сильно замерзнув; – *Үөдээ-иин!* Ити үчүгэй бурдук, кырата да тотоһуй буолар (Амма Аччыгыйа). / – Черт! Это хорошая мука, сытная.

При экспрессии или эмфазе, в состояниях аффекта и т.п. речевых ситуациях растяжение гласных передается расчленением слова на слоги, знаком которого является межслоговой дефис. Например: – *Ыччаа!* – диэтэ Байбааскы (А. Федоров). / – Брр! – сказал Байбааскы; – *Бэ-рээ-дэги!* – Ньыныыхай кэлэбиттии мырдыс гына (С. Курилов). / – По-ря-док! – Нинихай сморщился с отвращением; – *Өлүө-рэ туун-да-ратын аҕа баһы-лыгаа, бары дьии-кэй кыыл-лаар хаа-һаайын-нар-раа*, – Каака элэктээбиттии энээрийдэ (С. Курилов). / – Владыка Олеринской тундры, хозяин всех диких зверей, – Кака протянул насмешливо; – Өлө иликкин дуо?! – *Илик-нин...* (Амма Аччыгыйа). / – Не умерла ещё? – Нет...; Офонньор титирэстээбит куолаһынан эттэ: – *Сиз-ри гы-нар* дии (Амма Аччыгыйа). / Старик сказал дрожащим голосом: «Растерзать хочет»; Дьөгүөр бэрт арачы ботугураата: – *Көр-бү-түм...* (Амма Аччыгыйа). / Егор еле прошептал: «Видел...»; – *Өл-лүн!* Барар буолбат дуо!.. Өллүн!.. – тыһына хаайтаран салгыны арачы эбирийэн ыла-ыла, Өлөксөй сарылыы турда (Амма Аччыгыйа). / – Пусть умирает! Уезжает же! Пусть умирает!.. – Алексей завопил, задыхаясь; – *Уч-чуу! Уч-чуу!* – Ньургун бабыгыраата (Күрүлгэн). / – Как холодно! – Ньургун задрожал от холода.

Таким образом, из вышесказанного следует, что в качестве разделительно-соединительного знака между повторяющимися буквами в пределах графического слога (например, *сөн – сөөт, с-сөн; суох – су-ох, с-суох, су-ох; ким – к-ким – ки-им – ким-м* и т.п.), а также в единичных случаях после последней из повторяющихся букв (например, *быыһа-а-н, у-у-та*) можно рекомендовать использовать дефис как орфографическое средство.

Список литературы

1. Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII-XX вв.). М.: Элпис, 2004. 456 с.
2. Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка: в 2-х ч. Якутск: Кн. изд-во, 1971. Ч. I. Вокализм. 192 с.
3. Дьячковский Н. Д. Саха билигин тыла. Фонетика (Современный якутский язык. Фонетика). Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. 174 с.
4. Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2014. 132 с.
5. Пеньковский А. Б. О некоторых некодифицированных явлениях современной русской орфографии // Нерешённые вопросы русского правописания: сборник / ред. Р. И. Аванесов, Л. П. Калакуцкая, А. А. Реформатский. М.: Наука, 1974. С. 94-120.
6. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка: в 2-х ч. М. – Л., 1950. Ч. I. Простое предложение якутского языка. 304 с.

ON NON-STANDARD YAKUT ORTHOGRAPHY (SPELLINGS LIKE *сӨ-ӨП*, *с-сУОХ*)

Vasil'eva Nadezhda Matveevna, Ph. D. in Philology
Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
tnm69@mail.ru

Orthography is very important for literary language normalization. The article is devoted to certain uncoded phenomena of the Yakut orthography. The author examines techniques to represent in writing the peculiarities of emphatic speech. Special attention is paid to the hyphen as an orthographic means used when putting down non-standard phenomena like “сӨ-Өп” (“Oke-ey”), “с-сУох” (“No-o”).

Key words and phrases: Yakut orthography; emphatic speech; non-standard phenomena; prolongation; gemination; hyphen.

УДК 7; 78:786.2

Искусствоведение

В данной статье впервые в музыковедении рассматриваются фортепианные циклы миниатюр выдающегося композитора XX века Мечислава Вайнберга: Три детских тетради и 17 легких пьес. Называемые лишь условно «детскими», эти сочинения хранят память о трагедии войны. Автор обращает внимание на тонкость их музыкального языка, предназначенную для зрелого пианиста, а также на стиливое многообразие и нетривиальные коннотации с музыкой некоторых выдающихся композиторов эпох барокко, импрессионизма и модернизма.

Ключевые слова и фразы: Мечислав Вайнберг; Три детских тетради; 17 легких пьес для фортепиано; цикл фортепианных миниатюр; реквием по детям; Куперен; Равель; Сати; барокко; импрессионизм; модернизм; мультикультурный феномен.

Воскобойникова Анна Семёновна

Русский национальный балет Сергея Радченко, г. Москва
a.voskoboynikova85@gmail.com

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ ДЕТСТВА
В ФОРТЕПИАННЫХ ЦИКЛАХ МИНИАТЮР МЕЧИСЛАВА ВАЙНБЕРГА**

В творчестве выдающегося композитора XX века Мечислава Вайнберга тема детства безусловно стоит особняком. Воспоминания о нем, пронесенные через жизнь, прошедшие сквозь ад войны, особенно хрупки и бережно хранимы. Вынужденный покинуть родную Польшу в юном возрасте, Вайнберг больше не вернется и не встретится с семьей, оставшейся там, погибшей в нацистском лагере.

В детских циклах Вайнберга сконцентрировались уникальные особенности его неповторимого стиля. Складывается впечатление, будто, создавая их, композитор ощущал особую внутреннюю свободу, за счёт чего маленькие пьесы обладают абсолютной самобытностью и предельной искренностью настоящего произведения искусства.

Детские тетради создавались Вайнбергом с 1944 по 1947 годы, в это же время (1944-1945) пишет Детский альбом и Шостакович; в 1948 году появляется Альбом пьес для детей Г. Свиридова. В целом картина появления детских циклов в XX веке достаточно рассредоточенная, но все же некоторая концентрация наблюдается вокруг военных лет. «24 лёгкие пьесы для детей» Д. Кабалевский создает в 1944 году, до этого – «30 детских пьес для фортепиано» ор. 27 (1937-1938). Также в 30-е годы появляются детские циклы Мясковского и Прокофьева (Н. Мясковский «Пьесы для детей» ор. 43 (1938); С. Прокофьев «Музыка для детей» ор. 65 (1935)).

В 1952 году Б. Чайковский пишет «8 детских пьес для фортепиано». Кроме того, над детской темой работали такие композиторы XX века как Р. Шедрин («Тетрадь для юношества», 1981), Р. Глиэр («Альбом фортепианных пьес», 1961), А. Гречанинов («Детский альбом», 1923) и др.

Три детских тетради Вайнберга **ор. 16**, **ор. 19** и **ор. 23** посвящены дочери Виктории. Они были объединены в цикл из 23-х пьес в 1947 году, названных Прелюдиями самим композитором. Первое, что поражает при знакомстве с ними, – сложность, как языковая и интеллектуальная, так и техническая, рассчитанная на восприятие и виртуозные возможности зрелого музыканта (как пример назовем *Moderato* из Второй тетради). Об этом говорят и непрограммные названия, обозначающие преимущественно лишь темп и характер движения (*Larghetto*, *Allegro*, *Andante tranquillo* и т.д.), что также уводит прелюдии от детской образности.

Содержание прелюдий в целом остро трагедийное, запечатлевшее катастрофу военных лет. Особенно явно оно раскрывается во Второй и Третьей тетрадях (1945), в частности в мрачно-торжественном *Marziale lugubre*¹ и следующем за ним *Andante*, а также в *Lento funebre*². В радиопередаче, посвященной 95-летию

¹ *Marziale* (ит.) – военный; *lugubre* (ит.) – мрачный.

² *Funebre* (ит.) – похоронный.